

положительная идея: *Благими намерениями стелется дорога в ад; Не делай людям добра – не посеешь зла*. В русской лингвокультуре за любопытство предусмотрено отдельное наказание, которого нет и никогда не было в истории юриспруденции: *Любопытной Варваре на базаре нос оторвали*. Чрезмерное любопытство не поощряется и в англо-американской культуре: *He who peeps through a hole, may see what will vex him*. – Тот, кто подсматривает, может увидеть то, что его будет раздражать.

Заключение. При сравнении паремиологических единиц англо-американской и русско-белорусской культур необходимо отметить, что фундаментальные моральные и правовые ценности сходны. Различия касаются комбинации ценностей, степени их актуальности для каждой из культур. Ценности, характерные для англо-американской и русской культур, попадали из повседневной жизни народов в сферу правового регулирования и затем закреплялись в виде законов, которые предоставляли гарантии соблюдения той или иной нормы. Противоречивость национального сознания – это основная причина существования противоположных по значению паремий.

Справедливость начинает играть все более и более важную роль при наказании за преступление. В англо-американской культуре наказание после смерти не существует, в русской лингвокультуре данный вид наказания особенно страшен.

1. Попова, З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2010. – 314 с.

НАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ

*В.М. Генкин
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Исследование региональной топонимии может проводиться в разных направлениях, ставя и реализуя различные цели и задачи. При этом очевидно, что сама логика региональных ономастических исследований (вне зависимости от их конкретных целей) и правомочность выделения определенной территории в качестве ономастического региона обусловлены в первую очередь возможностью представления совокупности региональных ономов не как «набора имен», а как системы, которая характеризуется определенной структурой, наличием внутрисистемных отношений и другими системными особенностями.

Формирование такой системы в каждом регионе происходило под очевидным влиянием различных факторов, относимых к разным областям, среди которых наиболее значимы: культура и национальные традиции, вероисповедание, язык (диалект или диалекты), географическое расположение (особенности ландшафта, климата, количество и характер водных и иных природных объектов), характер ведения хозяйственной деятельности, промыслы и экономические отношения и т. п. Нетрудно заметить, что большая часть этих факторов диахронически изменчива. Следовательно, можно предположить: в разные исторические периоды топонимия региона должна приобретать новые черты и/или претерпевать изменения, которые будут фиксироваться топонимной системой и в значительной мере определять в дальнейшем ее характер. Кроме того, особенности поэтапного заселения территории и дальнейшего расселения по ней, влекущие за собой естественные изменения в числе и специфике населенных пунктов (а следовательно, и в системе их наименований), также исторически обусловлены.

Актуальность исследования продиктована необходимостью установления исторических эпох, наиболее значимо повлиявших на региональную топонимную систему Витебщины, и выявления особенностей, приобретенных системой в ту или иную эпоху. Характеризуя данную позицию, следует также отметить, что, несмотря на достаточно большой объем знаний, накопленных ономастической наукой о региональной (в частности, витебской) топонимии, исторический и генетический аспекты по-прежнему нуждаются в дальнейшей разработке.

Цель исследования – определить первые важнейшие периоды формирования системы топонимов региона, установить их временные рамки и выявить черты, ставшие в дальнейшем значимыми для топонимии.

Материал и методы. Материалом исследования послужили данные ряда ономастических и этимологических словарей, географических карт, исторических источников и собственная картотека автора, собранная в результате полевых экспедиций и научных изысканий. Но в связи с тем, что данная работа представляет собой лишь часть относительно малую часть исследования обозначенной выше проблемы, здесь отражено и небольшое количество собранного материала, обеспечивающего иллюстративность выводов.

В процессе всего исследования использовались различные общенаучные методы, среди которых приоритет отдавался стратиграфическому, семантическому и структурно-грамматическому, историческому и этимологическому видам анализа, частично использовались лингвогеографический и дескриптивный методы.

Результаты и их обсуждение. Летописи и иные исторические источники позволяют утверждать, что к концу первого тысячелетия регион уже был представлен рядом населенных пунктов, в том числе относительно крупных и административно значимых по критериям того времени. Первые летописные упоминания о таких важнейших поселениях, как *Полоцк* и *Витебск*, датируются, соответственно, 862-ым и 1021-ым годами. Соответственно, к указанным датам населенные пункты были не только построены, но и достаточно известны, а значит, имели определенную историю существования.

Конец первого и начало второго тысячелетия мы полагаем целесообразным определять как второй период формирования региональной топонимии. Аргументом в пользу такого вывода служит вторичность географических названий. Как видно из их структуры, топонимы *Полоцк*, *Витебск* (равно как и иные названия – их современники из смежных регионов: ср. *Смоленск*) однозначно указывают на местоположение именуемых поселений. Обратим внимание на характер мотивирующих основ астионимов: они связаны не с ландшафтом как таковым или реками как важнейшими объектами ландшафта, а с уже имеющимися и, логично предположить, активно используемыми названиями этих рек.

Тот факт, что в летописях упоминаются именно города, с одной стороны, вполне логически объясним; а с другой, наводит на мысль о необходимом существовании возле городов поселений сельского типа, одной из важнейших задач которых должно было стать обеспечение горожан сельскохозяйственной продукцией. Исторические территории древних городов (замков) объективно не позволяли вести хозяйство в требуемых объемах. К тому же на территории городов размещались князья со своими дружинами и административными службами, то есть имела значительная часть населения, которая в принципе не занималась хозяйством. Относительно количества сельских поселений, располагавшихся по соседству с городами, точных исторических данных нет, также как нет и сведений, позволяющих охарактеризовать их названия. С большой долей вероятности можно предположить, что это не были названия отантропонимного характера, получившие распространение и ставшие преобладающими значительно позже. На первых порах в топонимии было «прописано» только княжеское имя: *Владимир* (летописное упоминание об основании города князем Владимиром Святославовичем датируется 990 годом), *Ярославль*, заложенный Ярославом Мудрым в период с 988 по 1010 годы и т.д. Непосредственно на Витебщине подобных названий той эпохи нет. Относительно ойконима *Браслав* мы склоняемся к версии, поддерживаемой В.А. Жучкевичем, о том, что астионим образован не от имени полоцкого князя Брячислава Изяславича, а от балтийской лексемы *brastà – брод* [1; 35].

Характеристика временных рамок первого этапа формирования региональной топонимии Витебщины осложняется очевидным недостатком достоверных сведений. Тем не менее, мы можем утверждать, что к периоду, который мы обозначали как второй этап, в регионе уже имела совокупность географических названий, среди которых особое место занимали гидронимы (преимущественно потамонимы и лимнонимы). Следует подчеркнуть, что среди названий этой эпохи преобладают топонимы, в основах которых зафиксировались лексемы неславянского (финно-угорского, балтского и др.) происхождения. Этимологизация подобных названий до сих пор вызывает затруднения и рождает разные точки зрения на происхождения топонима. Опосредованно (преимущественно через ойконимию) данные лексемы получили большее распространение.

Заключение. Проведенное исследование позволило прийти к следующим выводам. Формирование региональной топонимной системы Витебщины происходило поэтапно. Каждый из этапов имел свои временные рамки (не всегда категорически четко выделяемые) и характеризовался своим набором средств и способов ономопроизводства. Первый этап имел большую

временную протяженность и завершился приблизительно к началу IX столетия. На этом этапе сформировалась часть региональной гидронимии, используемой преимущественно для называния более крупных водных объектов.

Второй этап охватывает период конца первого – начала второго тысячелетия и может быть отмечен как время постепенного формирования ойконимной системы с преобладанием названий неотантропонимного происхождения.

1. Жучкевич, В. А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: Изд-во «БГУ им. В.И. Ленина», 1974.

ПОЭТИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ «КНИГИ ПЕСЕН»

А.А. Гладкова
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

На протяжении тысячелетий китайская поэзия выработала свой особый стиль, в основе которого лежит сочетание отточенной формы, ясности языка и тонкого лиризма. Активизация научного и культурного взаимодействия Беларуси и Китая привлекает особое внимание к китайской литературе, запечатлевшей особенности мировидения китайской нации. *Актуальность* темы заключается в исследовании художественной поэтики одного из ключевых достижений китайской поэзии – «Книги песен».

Цель работы – определить основные поэтические образы «Книги песен» на основе избранной лирики сборника.

Материал и методы. Материалом для исследования послужила избранная лирика «Книги песен». Методы исследования: культурно-исторический и сравнительно-сопоставительный.

Результаты и их обсуждение. «Книга песен» («Ши цзин»), которая отразила древнюю культуру народа, его устремления и мирозерцание, особо почитаема в китайской литературе. По своей значимости она может быть поставлена в один ряд с «Илиадой» и «Одиссеей», «Махабхаратой» и «Словом о полку Игореве».

«Шицзин» включает триста пять поэтических текстов, которые объединены в четыре раздела: «Го фын» («Нравы царств»), «Сяо я» («Малые оды»), «Да я» («Великие оды»), «Сун» («Гимны»). Первая часть «Книги песен» включает сто шестьдесят стихотворений пятнадцати царств древнего Китая (лирика периода Чжоу). Не вызывает сомнений влияние народного творчества на произведения указанного раздела. Отметим глубокую связь с жизнью, реальностью, социальную заострённость произведений этой части «Ши цзин».

Как отметил Н.Федоренко, «китайской поэзии свойственен свой особый строй художественных образов, свои поэтические и выразительные средства. Художественные образы китайский поэт заимствовал прежде всего у природы, антропоморфизм в китайской поэзии – явление сравнительно редкое. Часто жизнь человека изображалась китайскими поэтами через жизнь природы, а не наоборот, как мы это видим в поэзии европейской» [1, 13].

Анализ избранной лирики первой части «Книги песен» позволил выделить ряд сквозных поэтических образов, к которым относятся, в первую очередь, образы птиц. Например, в песне «Встреча невесты» представлены утка и селезень, которые в китайском фольклоре являются символом супружеской любви и верности: «*Селезень с уткой слетелись на остров речной...*» [1, 75]. Сорока и голубка упоминаются в песне «Выезд невесты», где образ голубки соотносится с молодой женщиной, вступающей в брачный союз. В стихотворениях раздела встречаются иволга и петух, фазан, сова, при этом фазан выступает в роли простодушной птицы, которую легко поймать в силки, а сова «*грозит бедою у врат могильных*» [1, 111]. В песне «Ходят они на приёмы...» наблюдается любопытная параллель образа ленивого пеликана, который не хочет замочить крылья, гонясь за рыбой, с бесполезными для государственного служения людьми. Идущие в далёкий поход сравниваются с гусями и журавлями: «*То гуси летят, то летят журавли / И свищут и свищут крыльями вдали... / То люди далёким походом идут / И тяжёк, и труден в пустыне поход...*» [1, 127]. Тоскливый клич этих птиц тревогой отзывается в сердце тружеников. Как и в славянском фольклоре, в китайской поэзии ворон олицетворяет недоброе предзнаменование: «*Я вижу: ворон вниз летит; / На чью же кровлю сядет он?*» [1, 129].